

Владимир Звизняцковский (Киев)

**ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ ГИМНАЗИСТА ГОГОЛЯ
(О ЗНАЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА И. В. ГЕТЕ
В НЕЖИНСКИЙ ПЕРИОД)**

Nationalliterature will jetzt nicht viel sagen, die Epoche der Weltliterature ist an der Zeit, und jeder muss jetzt dazu wirken, diese Epoche zu beschleunigen.

*Gothes Gespräche mit Eckermann,
31 Januar 1827 [1, с. 278]*

Эти слова, сказанные 77-летним Гёте, в тот день, 31 января 1827 г., слышал только И. П. Эккерман: время национальных литератур прошло, наступает эпоха мировой литературы, каждый должен работать, дабы ускорить ее приход... И лишь тем, что идеи носятся в воздухе, можно объяснить то, что написал в тихом украинском городке некто Николай Гоголь-Яновский, 17-летний ученик Нежинской гимназии высших наук, за два дня до того, как Гете впервые высказал Эккерману свою идею о Weltliterature, этот чуткий к «идеям в воздухе» ученик в письме к бывшему соученику недоумевал: «Зачем нам дано нетерпение? <...> Душа моя хочет вырваться из тесной своей обители, и я весь – нетерпеньё» [2, X, с. 80]?..

А главное, что мы должны объяснить, – это то, **как именно** 17-летний Николай Гоголь пробует «вырваться из тесной своей обители». Нежинский гимназист, никогда ещё не покидавший пределов Украины, пишет поэму «Ганц Кюхельгартен» – о своём ровеснике, живущем в Германии. И вот эпилог поэмы:

Эпилог

В уединении, в пустыне,
В никем незнаемой глуши,
В моей неведомой святыне,
Так созидаются отныне
Мечтанья тихие души.
...Веду с невольным умиленьем
Я песню тихую мою,
И с неразгаданным волненьем
Свою Германию пою.
Страна высоких помышлений!
Воздушных призраков страна!
О, как тобой душа полна!

Тебя обняв, как некий гений,
Великий Гетте бережёт,
И чудным строем песнопений
Свеваёт облака забот. – [3, с. 65]

«Великий Гетте» не знал и никогда не узнал о том, что некий ученик никому тогда неизвестной Нежинской гимназии высших наук на самом деле был **его**, Гёте, учеником. И что этот ученик высочайшей своей наукой и задачей считал выполнение ещё не услышанного, но уже угаданного завета Учителя: «ускорить появление» эпохи мировой литературы. Форсируя исполнение этой задачи, юноша из украинской глуши готов был сразу и на единственном доступном ему для творчества литературном языке петь «свою Германию». Конец этой попытки хорошо известен: издание, поругание и сожжение «Ганца Кюхельгартена» в Петербурге. И удивлённый возглас в письме к маменьке: «Здесь так занимает всех всё малороссийское...» [2, X, с. 142]. Глушь оказалась вовсе не «никем незнаемой», а, напротив, знаменитой, на весь мир прославленной Вольтером, Байроном, Пушкиным...

Но не «великим Гетте». Тот для восхищения южной природой избрал Италию. И точно так же поступает гимназист Гоголь, пишет стихотворение «Италия», перепевая песнь Миньоны из романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

Атрибуцию стихотворения «Италия», анонимно напечатанного в «Сыне Отечества» в феврале 1829 г., как первого печатного произведения Гоголя, можно считать завершённой комментаторами недавно вышедшего первого тома нового 23-томного Полного собрания гоголевских сочинений [3, с. 866–870]. Не станем, впрочем, спешить на этом основании говорить о знакомстве Гоголя с самим романом. Ведь его гимназическое стихотворение носит следы подражания не столько оригиналу, сколько переводу Жуковского, напечатанному в 1818 г. под названием «Мина. Романс».

Кстати, загадочные «облака» в последней строке «Ганца Кюхельгартена», «свеваемые» «великим Гетте», мы встречаем и в последней строфе «Италии», где они «свеваемы» местными небожителями. Да и вся интонация поэтического обращения к стране точно такая же в финале этого стихотворения, как и в эпилоге поэмы, – лишний аргумент в пользу авторства Гоголя:

Земля любви и море чарований!
Блистательный мирской пустыни сад!
Тот сад, где в облаке мечтаний
Еще живут Рафаэль и Торкват! [3, с. 262]

«Картина мира» Гоголя-гимназиста напоминает икону, верхний ярус которой, как и полагается, занят творцом, заботливо пеленающим своей бессмертной славой новорождённое творенье. Но творец этот – художник. Заметим, что Гёте удостоился места на «иконе» при жизни, в то время как Рафаэль и Тассо «ещё живут» на ней посмертно.

«Картина мира» Гоголя-гимназиста – это, таким образом, картина мира, существующего лишь в творениях высокого искусства, только она для него важна, и только она подлинна. И о таком своём юношеском мирозерцании, сложившемся под влиянием немецкой поэзии, Гоголь сам впоследствии вспоминал в письме к М. П. Балабиной от 5 сентября 1839 г. из Вены: «Это были лета поэзии, в это время я любил немцев, не зная их, или может быть я смешивал немецкую ученость, немецкую философию и литературу с немцами. Как бы то ни было, но немецкая поэзия далеко уносила меня тогда в даль, и мне нравилось тогда ее совершенное отдаление от жизни и существенности. И я гораздо презрительней глядел на всё обыкновенное и повседневное» [2, XI, с. 244]. Прямо об этом сказано и в стихотворении «Италия»:

Здесь низок мир холодной суеты,
Здесь гордый ум с природы глаз не сводит... [3, с. 262]

Впрочем, о том, насколько «картина мира» Гоголя-гимназиста сохранилась и у вполне уже взрослого человека и художника, можно судить из сопоставления ее с изображением Италии в одном из последних его художественных произведений – отрывке «Рим»: «[...] эти величавые архитектурные чудеса остались, как призраки, чтобы попрекнуть Европу в ее китайской мелочной роскоши, в игрушечном раздроблении мысли. И самое это чудное собрание отживших миров и прелесть соединенья их с вечно цветущей природой – все существует для того, чтобы будить мир, чтоб жителю севера, как сквозь сон, представлялся иногда этот юг, чтоб мечта о нем вырывала его из среды хладной жизни, преданной занятиям, очерствляющим душу, [...] чтобы хоть раз в жизни был он прекрасным человеком...» [2, III, с. 243].

В сущности, это стремление раньше и прежде всего остального «быть прекрасным человеком» в Гоголе-гимназисте разбудила немецкая поэзия. Но еще более высокое призвание – **формировать** прекрасное в человеке, призвание **возвышенное**, призвание **поэтическое**, – вот то, что Гоголь-гимназист сознательно в себе вынашивал и лелеял уже непосредственно под влиянием великого Гёте.

О Гёте как о ныне живущем гении мог рассказывать нежинским гимназистам лично знакомый с ним директор гимназии И. С. Орлай. Его знакомство и сотрудничество с Гёте, видимо, началось в Обществе естественных наук при Иенском университете, прервалось с поступлением Орлая на русскую службу, однако продолжилось перепиской, обоюдным интересом и стремлением к новым личным контактам, очевидно, так и не состоявшимся.

Во всяком случае, когда Орлай путешествовал по Австрии и Германии в 1806 г., он разминулся с Гёте, искавшим его в Вене, и по этому поводу написал ему письмо, опубликованное его венгерским биографом Лайошем Гарди. Эпилог письма удивительно напоминает по стилю эпилог «Ганца Кюхельгартена»: «Клянусь Геркулесом, я буду всеми силами стремиться к тому, чтобы ничего не упустить из того, что только можно ожидать от человека, столь преданного тебе, и даже более: если после смерти существует какое-либо чувство, и в моем прахе будет тлеть благодарное воспоминание о тебе» [4, с. 52].

Такая дружба, когда «старший друг или наставник словно возводился в ранг самого божества» [5, с. 64], культивировалась, теоретически обосновывалась и утверждалась самим Гёте и была популярна в кругах русских литераторов 1820-х годов. Она же была основой романтической педагогики, принципов которой, конечно, придерживался и Орлай. Недаром впоследствии не гимназические уроки, а беседы на дому у директора гимназии её выпускники называли своей «афинской Академией», а сам Орлай таким образом обретал статус «нежинского Платона». Гоголь, всю жизнь потом искавший себе подобного старшего друга и наставника, должен был трудно пережить в 1826 г. перевод Орлая директором Ришельевского лицея в Одессе и, не находя ему замены в гимназии, стал искать её в литературе.

Великий Гёте был в этом смысле, разумеется, вне конкуренции, но недостижим на своём веймарском Олимпе. Ближе была Москва, где М. П. Погодин в 1827 г. начинает издавать «Московский вестник», идеологом и душой которого стал С. П. Шевырёв (он вёл в журнале отдел критики). 18-летний Гоголь вряд ли знал, что этот поразивший его журналист был всего на три года старше его самого. Впрочем, в этом возрасте и три года имеют значение, а Шевырёв и среди своих московских ровесников-любомудров явно был лидер. И когда Гоголь впервые рискнул обратиться к Шевырёву с личным письмом, «необычный тон» которого точно подметил Ю. В. Манн [6], он недаром отнёс своё увлечение им к «ещё школьным»: «Я вас люблю почти десять лет, –

писал Гоголь Шевырёву 10 марта 1835 г., – с того времени, когда вы стали издавать «Московский вестник», который я начал читать, будучи ещё в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое ещё и донныне не совершенно развернулось» [2, X, с. 354].

Уже в седьмом номере от начала выпуска «Московский вестник» излагает «Мысли Гёте о дружбе». Эти мысли в основном развивают кантовскую теорию различения возвышенного и прекрасного. Как писал Кант, «ночь возвышенна, день прекрасен»; «для дружбы характерно главным образом возвышенное, для любви же между мужчиной и женщиной – прекрасное» [7, с. 180, 166–167]. (Гоголевские прекрасные даже «во всех отношениях» дамы никогда не достигнут и не постигнут возвышенного). Гёте, в изложении «Московского вестника», ставит в пример «древних», которым «все чувства заменила [...] дружба между мушкетерами», состоявшая в «страстном исполнении обязанностей дружества, сладости неразлучности, взаимной готовности [...] умереть вместе» [8, с. 283].

Развитию культа Гёте в Нежинской гимназии способствовал и профессор немецкой словесности Зингер. Гоголь, которому трудно давались иностранные языки, к числу любимых учеников Зингера не принадлежал, но несомненно был последователем этого культа. Известно, что и соученик Гоголя Нестор Кукольник, которого несколько лет спустя Осип Сенковский недаром назовет «нашим юным Гёте» [9, с. 13], усердно пропагандировал и «Геца фон Берлихингена», и «Фауста» (в котором находил «самое щёгольское благородство» [10]) в своих письмах из Нежина 1827 – 1828 гг.

Два последних названия заставляют, говоря словами Гёте, задуматься уже не просто о «поэтическом», но о «театральном призвании». Кукольник в своем гимназическом письме пишет, что «Фауста» он относит к некоему особому литературному роду и согласен «уничтожить все роды изящного за этот один» [11]. Но как же украинский «школяр», да ещё по фамилии **Кукольник**, мог не чувствовать не только что драматической, но и **театрально-демократической** природы гётевских персонажей?

Допустим на минуту, что песнь Миньоны Гоголь, Кукольник и их соученики читали не только в переводе Жуковского, но и в оригинале и к тому же в первоисточнике – в начале третьей части романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Тогда они уж точно должны были знать и об изначально **кукольном** происхождении персонажей Фауста в сознании Гёте. Ведь об этом он сам рассказал сначала в «Театральном призвании Вильгельма Мейстера» (так называемом «Пра-Мейстере», при жизни автора неопубликованном), а

затем и в опубликованных «Годах учения...». Т.е. в разных вариантах создатель трагедии «Фауст» поведал о том, как бюргерские дети кланчили у родителей деньги, «чтобы полюбоваться «Доктором Фаустом» с балетом арапчат» (в «Пра-Мейстере»), или о том, как «прославленная кукольная **комедия** о докторе Фаусте «на все лады звучала и звенела» в душе будущего автора **трагедии** (об этом он говорит в 10-й книге «Поэзии и правды»).

В украинском вертепе XVIII – начала XIX века, который ещё существовал где-нибудь на Сорочинской ярмарке (чтобы сходу дать сюжет юному Гоголю), так же, как в немецкой «прославленной кукольной комедии» о докторе Фаусте, в «смеховом» переосмыслении всё ещё доигрывалась драма барокко в её безмерной дуалистической напряжённости. Интересна гипотеза М. М. Бахтина о причинах дуалистической напряжённости именно украинского религиозно-мифологического и художественного сознания, начиная, по крайней мере, с XVII века: «В официальной литературе главное внимание уделяется литературе «чудес» [...] В эпоху, когда «реформационные веяния» носились в воздухе, когда угрожали то нападки униатов, то брожения среди мещанства и селян, – мобилизовывался весь аппарат святынь, вокруг него подновлялся и творился целый эпос легенд, устрашающих и требующих беспрекословного подчинения авторитету» [12, с. 162].

Однако всё то же самое на век-другой раньше совершалось и в Германии. И прежде чем стать сюжетом кукольного «обозрения», демонические персонажи становились предметом самого серьёзного **религиозного** обозрения. Самый известный трактат на эту тему – «Teatrum diabololum», т.е. «Обозрение чертовщины» (1569). «История о докторе Иоганне Фаусте» Шписа вышла в свет в 1587 г. Как в этой связи не вспомнить о соответствующих по духу демонологических писаниях автора начала следующего, XVII ст. Петра Могилы, составителя «Последования молебного о избавлении от духов нечистых»? (Глухая ссылка на этот труд есть в начале гоголевской «Страшной мести»). Но уже в XVIII в. студенты Могилянской академии ходили по окрестностям с вертепом.

Биографы Гоголя неплохо изучили зимний семестр 1827 года в Нежинской гимназии – тот самый, когда восьмиклассник Гоголь пишет «Ганца Кюхельгартена», а его соученик Кукольник в частном письме разбирает высочайшие достоинства «Фауста» Гёте, не находя подобных даже в «Сиде» Корнеля. Именно на этот период приходится пик увлечения старшеклассников театром. Репертуар гимназических постановок самый разнообразный, а Гоголь – его звезда. Он не только

с блеском сыграл Простакову в «Недоросле» Фонвизина, но, съездив домой на каникулы, привёз комедию своего покойного отца и её тоже поставил в гимназическом театре.

Василий Афанасьевич, как можно судить по единственной дошедшей до нас его комедии «Простак», был талантливым интерпретатором комической народной демонологии. В финале этой комедии «москаль» перехитрил всех и даже (во всяком случае, в глазах глупого и ленивого «хохла» Романа) самого чёрта. «Русский солдат чёрта не боится» [2, X, с. 78] , – в том же 1827 г. пишет Гоголь в письме к соученику. В результате дьячок Фома Григорьевич (будущий персонаж и один из рассказчиков в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») избежал расправы ревнивого Романа и покинул хату перемазанный сажей – под видом изгоняемого чёрта; причём на вопрос Романа – а где же рога? – москаль заявляет:

– Рога он тебе оставил! [13, с. 30]

Пьеска, видимо, должна была быть дидактическая и с моралью. Но вот как раз мораль Василию Афанасьевичу не далась: ни к селу ни к городу он в финальной реплике всё сваливает на «хохлацкую лень» Романа. Хотя по сюжету выходит ровно наоборот: был бы Роман последовательно ленив и не слезь он по глупости с печи, так и «чёрт» бы в доме не завёлся...

Мораль ещё преждевременна на этой, «смеховой» стадии комической (псевдо)демонологии. Но каким же образом увлечение ею и в гимназический, и в следующий, петербургский, период у Гоголя уживается с увлечением «великим Гетте»? Да тем же самым образом, каким в молодости самого Гёте интерес к кукольной комедии о докторе Фаусте уживался с постановкой высоких просветительских и национальных задач.

Готовясь к «поэтическому призванию» в эпоху, когда на горизонте российской словесности уже маячил – как вызов и пока ещё нерешённая художественная задача – «Русский Фауст» (или, если угодно, «украинский Фауст»), юный Гоголь, конечно, должен был проникнуться не только формальным культом, но и подлинным духом Гёте. Не только зримый **итог** – великий Гёте на вершине творческого Олимпа, но и едва угадываемый **путь** на этот Олимп – всё это для гимназиста Гоголя составляло мучительный, но плодотворный интерес.

Литература и примечания:

1. Gothes Gesprache mit Eckermann. – Berlin, 1955.
2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 14 т. – [М.–Л.], 1937–1952. Здесь и далее римская цифра указывает на том, арабская – на страницу.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : в 23 т. – М., 2001. – Т. 1.
4. Тарди Л. Иван Семенович Орлай. Очерки из круга русско-венгерских связей в области медицины / Л. Тарди. – Будапешт, 1959.
5. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. – М., 2002.
6. «Еще от детства, – говорил он, – вселил в меня Бог непонятное мне самому чувство бегать от всяких неумеренных излишней, даже родственных и дружеских...» (VIII, 366). А тут настоящее признание в любви...» (Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809 – 1845. – М., 2004. – С. 89).
7. Кант И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М., 1964. – Т. 2.
8. Московский вестник. – 1827. – № 7.
9. Библиотека для чтения. – 1834. – № 1.
10. Из письма к Н. Маркевичу от 12 марта 1827 г. Цит. по кн. : Супронюк О. К. Литературная среда раннего Гоголя / О. К. Супронюк. – К., 2009. – С. 70.
11. Там же. С. 71.
12. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы филологии. – 1992. – № 1.
13. Гоголь В. Простак. – К., 1955.

Анотація

У статті досліджується поетичне покликання гімназиста Гоголя в ніжинський період, а зокрема значення і вплив особистості та творчості Й. В. Гете на молодого письменника.

Ключові слова: картина світу, гоголь-гімназист, поетичне покликання, «лялькова комедія».

Аннотация

В статье исследуется поэтическое призвание гимназиста Гоголя в нежинский период, а именно значение и влияние личности и творчества И. В. Гете на молодого писателя.

Ключевые слова: картина мира, Гоголь-гимназист, поэтическое призвание, «кукольная комедия».

Summary

The article explores the poetic calling of student Gogol in Nizhyn period, namely value and influence of personality and creation work of Gothe on the young writer.

Keywords: world picture, Gogol-student, poetic calling, puppetry.